

Нин Си пробежал глазами свою объяснительную — ни много ни мало на восемь тысяч иероглифов — и с остротой осознал: читать это с трибуны перед всей школой означает совершить преступление против чужого времени. Если каждый потратит по тридцать минут, то для семисот пятидесяти пяти человек это выльется в безумные двадцать две тысячи шестьсот пятьдесят минут.

Нин Си потряс четырьмя исписанными с обеих сторон листами.

Не стоит оно того, ой не стоит.

— Да это же просто ракета в космос, честное слово!

В этот момент в кабинет вбежала староста Седьмого класса:

— Слышали? Работы уже проверили, в учебной части подбивают результаты!

— Серьёзно? Обязательно портят настроение прямо перед каникулами?

— Если я сдал плохо, матушка меня всех каникул лишит, так и знайте!

— Молю, пусть по родному языку будет хотя бы сто двадцать! Меньше — и мне крышка, сразу в гроб!

— Погодите, а учебные группы реально сформируют по этим результатам?

— Блин, да в руководстве вообще мозги есть? Напридумывают всякой чуши. Нашли дураков, будто в этих группах кто-то учиться собирается!

— Одному мне кажется, что эта идея со строгой подготовкой в школе взаперти — полный бред?

Гул в классе нарастал, глуша даже мерный треск потолочного вентилятора.

«Тук-тук». Стук в дверь оборвал шум.

Ученики подняли головы: у входа стоял Го Чжэнь, держа руки за спиной — похоже, с каким-то листком.

Все мигом затихли и рассыпались по местам.

Го Чжэнь слегка кашлянул:

— Я вроде не давал команды устроить свободный урок?

Какой-то смельчак из задних рядов крикнул:

— Да ладно вам, старик Го, каникулы же на носу! Дайте народу расслабиться!

Стоило поднести спичку, как тут же пыхнул весь заготовленный сухой порох.

— Вот именно, скоро же летние!

— Последнее лето в старшей школе, между прочим!

— Ну сбросьте напряжение, старик Го!

— Результаты вторых пробных всё равно ещё не вывесили. Вот узнаем — и прощай, радость!

Ху Янцай, сидевший за партой, несмело подал голос, глядя на листок в руках классного руководителя:

— Учитель Го... а у вас там... часом не ведомость?

Го Чжэнь умел огорошить: из всего хора возмущённых голосов он выхватил именно это.

— Эх, Янцай, ну и глаз-алмаз у тебя! — Он с улыбкой поднял листок перед собой. — Никогда не сомневайтесь в педагогах Первой старшей школы Синьчан. Нет такой безумной скорости проверки, на которую мы не были бы способны!

Класс единодушно застонал.

— Я сейчас с ума сойду! Одиннадцать тридцать, мы даже пообедать не успели, какие ещё результаты! — Ху Янцай обернулся к Нин Си. — Всё, мне конец. Я теперь даже кусок в горло пропихнуть не смогу...

Однако, взглянув на Нин Си, Ху Янцай обомлел: в глазах одноклассника пылал самый настоящий азарт.

— Нин Си?... Ты... ты что, ждёшь эти оценки с нетерпением?

— Ещё бы! С чего бы мне их не ждать? — Нин Си буквально потирал руки. — Я, между прочим, выложился по полной. Так что в этот раз вполне уверен в себе.

На кону стояло слишком многое. Если Сун Ицзэ ни с того ни с сего начал от него шарахаться, то без попадания в одну учебную группу у Нин Си не будет ни единого предложения донимать его всё лето. А навязываться без разбора — значит окончательно оттолкнуть парня.

Го Чжэнь ради приличия поинтересовался:

— Ну что, хотите узнать свои баллы?

— НЕ-Е-ЕТ! — дружно взревел класс.

— Ого, какой энтузиазм! Я прямо чувствую ваше рвение, — невозмутимо проговорил Го Чжэнь. — Но пока я их объявлять не стану. Кто сгорает от любопытства — добро пожаловать ко мне в кабинет во время обеда.

— Е-е-е! — выкрикнул какой-то отпетый экстраверт, вызвав взрыв хохота.

Как раз в этот момент прозвенел звонок.

— Ладно, бегите обедать. И помните: во второй половине дня состоится итоговая линейка, всем быть в школьной форме!

Еда для Седьмого класса всегда была святым делом — большинство тут же сорвалось с мест, едва дождавшись конца фразы, и ринулось к двери.

Нин Си с обедом не спешил. Ему терзало душу лишь одно: какое место он занял?

Поэтому он двинулся против людского потока, пристроился вслед за Го Чжэнем и дошёл за ним до самого кабинета.

— Учитель Го, — окликнул он классного руководителя на пороге.

Тот обернулся и, увидав перед собой кроткого Нин Си, потеплел лицом:

— А, Нин Си.

— Учитель Го, можно мне посмотреть мои оценки? — с милой улыбкой попросил Нин Си.

Го Чжэнь почувствовал искреннюю гордость: надо же, новенький, а учиться рвётся едва ли не больше всех в классе. Такой порыв стоит поощрить! Размышляя об этом, учитель развернул ведомость, отыскал нужную строчку — и замер.

Наступила неловкая пауза. Го Чжэнь медленно передал листок ученику.

Эх... Ну как же так? Такой старательный, такой увлечённый мальчик — и такой беспросветный результат.

— Спасибо, учитель Го! — Нин Си мгновенно впился взглядом в списки.

Го Чжэнь, чьё сердце всегда страдало отстающим, уже начал мысленно подбирать мягкие слова поддержки, чтобы парень не потерял вкус к учёбе.

Но к его изумлению, лицо Нин Си озарилось чистым, нескрываемым ликованием. В тёмных глазах вспыхнул такой восторг, что он не сдержался и сдавленно выдохнул:

— Есть!

Го Чжэнь ошеломлённо моргнул.

Нин Си, сияя так, словно занял первое место в параллели, с лёгким сердцем вернул ведомость:

— Спасибо вам, учитель Го! Я пойду поем, ещё раз спасибо!

И, напевая что-то себе под нос, жизнерадостно умчался.

Го Чжэнь с минуту простоял в ступоре, а потом перевёл взгляд на листок, подозревая, что у него двоится в глазах. Или он перепутал имена?

Китайский язык: 76, математика: 40, английский язык: 85, естественные науки: 153. Итого: 354 балла. 750-е место в школе. Последний в классе.

Го Чжэнь почесал затылок. Чему тут, чёрт возьми, радоваться?..

После обеда началась торжественная линейка, посвящённая старту программы автономной подготовки с проживанием в школе.

Если событие не требовало общешкольного масштаба с приглашением гостей, Первая старшая школа Синьчан обычно проводила подобные мероприятия на небольшой площади перед учебным корпусом.

Классы выпускного года один за другим выстраивались на площади рядами.

Спереди возвышалась просторная трибуна. Оформление было минималистичным: лишь одинокая кафедра с микрофоном по центру, из-за чего весь помост просматривался как на ладони.

Перед началом, как и на линейке с поднятием флага, включили торжественный марш.

Нин Си выдернули заранее: заведующий учебной частью Лю велел ему ждать за трибуной, поскольку открытие программы начиналось именно с его публичного покаяния.

Размах, надо признать, впечатлял.

Нин Си стоял на помосте, чувствуя себя как на ладони — даже с самого края он оставался абсолютно заметен для любой пары глаз.

От скуки он переминался с ноги на ногу, помахивая своей объяснительной. Бумажные листы шуршали от движений, пока он лениво разглядывал подтягивающихся учеников под звуки марша.

Когда он уже совсем заскучал и принялся рассматривать собственные кеды, носа вдруг коснулся тонкий, сдержанный аромат уда и горького апельсина.

Нин Си вскинул голову.

На трибуну в сопровождении руководства школы поднимался Сун Ицзэ. На нём была школьная форма.

Высокий, статный, с широкими плечами и длинными ногами, юноша шёл уверенно и собранно. И хотя небо затянули тучи, казалось, будто он сам излучает мягкий свет — среди всей этой толпы взгляд мгновенно выхватывал именно его.

Сун Ицзэ прошёл мимо Нин Си и остановился примерно в метре от него.

К воротнику его олимпийки был прикреплён петличный микрофон. Чтобы поправить его, Сун Ицзэ расстегнул верхнюю пуговицу, обнажив чёткую, красивую линию шеи.

«Ого, он тоже будет выступать?»

Нин Си тихонько сделал шаг ближе и сдавленно спросил:

— Ицзэ, ты тоже с речью?

Сун Ицзэ ничего не ответил — лишь скользнул по нему коротким взглядом и кивнул.

Нин Си не успел расспросить подробнее: у кафедры с основным микрофоном уже откашлялся заведующий Лю:

— Ученики Первой старшей школы Синьчан! Мы должны всегда помнить о своём статусе. Не спать на уроках, не играть в телефоны, и уж тем более не прогуливать! Но некоторые из вас открыто пренебрегают школьным уставом. А ведь перед началом автономной подготовки с проживанием в школе я предупреждал: тот, кто попадётся мне в руки, пожалеет!

Завуч сделал паузу и сурово продолжил:

— А теперь вызывается ученик Седьмого класса третьего года старшей школы Нин Си, который зачитает свою объяснительную на восемь тысяч слов!

Нин Си: «...»

Он снова бросил взгляд на Сун Ицзэ. Тот стоял идеально прямо — вылитый образцовый ученик. Рядом с ним Нин Си и впрямь выглядел отпетым разгильдяем.

Смирившись с судьбой, Нин Си подошёл к кафедре, поправил микрофон, поднял свои листы и с выражением заговорил:

— Уважаемые учителя, дорогие одноклассники, всем добрый день. Прежде всего, я испытываю глубочайшее раскаяние за то, что достал телефон во время урока...

Толпа внизу уставилась на сцену. Омега на трибуне был невероятно хорош собой, но его лицо казалось совершенно незнакомым. Откуда взялся этот красивый новенький, которому с ходу устроили такой бенефис перед всей школой?

Нин Си умудрился растянуть чтение на полчаса, превратив банальное покаяние в подобие научного доклада. К концу текста от его «раскаяния» не осталось и следа: каждая фраза насквозь пропиталась вайбом в духе «мне всё равно», «ни о чём не жалею», «в следующий раз сделаю так же» и «я здесь просто чтобы дочитать этот текст».

С таким видом обычно только круглые отличники делятся секретами успеваемости.

— На этом всё. Я обязательно сделаю глубокие выводы. Простите, что отнял у всех время. Седьмой класс, Нин Си.

Затянувшаяся экзекуция наконец завершилась. Школьники не совсем поняли этот странный перформанс, но из уважения к симпатичной мордашке Нин Си наградили его дружными аплодисментами.

Завуч Лю вновь занял место у микрофона:

— А теперь приглашаем ученика Экспериментального класса Сун Ицзэ! Встретим его аплодисментами!

Площадь взорвалась овациями.

Сун Ицзэ, привычный к подобным процедурам, спокойно подошёл к кафедре и заговорил.

Поскольку свободных ручных микрофонов у школы не нашлось, ему оставили лишь петличку на воротнике. Она обладала отличной чувствительностью, чётко транслируя каждое его слово на весь плац.

Голос юноши — бархатистый, чуть глуховатый, но по-юношески звонкий — звучал собранно и уверенно. Речь заняла всего три минуты, но вышла ёмкой и содержательной — разительный контраст с полчаса болтологии Нин Си.

— Спасибо за внимание, моё выступление окончено, — Сун Ицзэ слегка поклонился аудитории.

Площадь снова зашлась аплодисментами. Нин Си сзади сам едва удержался, чтобы не захлопать: главный герой — он и есть главный герой, уровень!

Сун Ицзэ вернулся на своё место. Нин Си пристроился рядом с намерением и похвалить парня, и заодно немного загладить вину.

— Ицзэ-э, — Нин Си подался чуть ближе.

Вместе с его шёпотом воздуха касался свежий, прохладный аромат мяты и белого чая. Голос Нин Си звучал мягко, по-кошачьи нежно:

— Ты так круто выступил!

Сун Ицзэ ощутимо напрягся. Нин Си слегка прищурил свои тонкие двойные века, и его взгляд вспыхнул манящим, ярким светом.

Вокруг стоял душный летний зной, и только от Нин Си веяло спасительной прохладой. Его тихий шёпот ощущался так, словно ласковый ветерок коснулся самого уха.

Пользуясь тем, что завуч Лю всюду вещал у кафедры, Нин Си сделал ещё один крошечный шаг. Заметив, что Сун Ицзэ не отстраняется, он несмело потянул его за край олимпийки.

— Ну почему ты меня игнорируешь? — капризно протянул он, слегка дёргая ткань. — Ну поговори со мной, а?

Сун Ицзэ был не в силах выносить эту пытку. Раздражение и глухая ярость снова поднялись в нём волной. Он и сам не понимал, на кого злится, а дыхание сбилось.

Пытаясь подавить нахлынувшее чувство, он не сдержался — его голос прозвучал слишком резко, глухо и холодно:

— Хватит тянуть меня за одежду! Мы что, так близки?!

Внезапный, исполненный гнева окрик, подхваченный мощными динамиками, раскатистым эхом пронёсся над всей площадью.

Петличка на воротнике сработала на славу: усиленный звук перекрыл основной микрофон и на полуслове оборвал вдохновенную речь завуча Лю.

Школа мгновенно погрузилась в мёртвую тишину.

Услышав собственный раскатистый голос, Сун Ицзэ только сейчас осознал: петличка всё ещё была включена.

Он медленно поднял глаза. Сотни пар глаз снизу уставились прямо на них с Нин Си. В каждом взгляде читалось непередаваемое, сгорающее от любопытства: «Вот это сплетня!»

Сун Ицзэ судорожно сглотнул.

А раскатистое эхо всё ещё гуляло в горячем воздухе над площадью.

Ну всё. Теперь вся школа в курсе.

<http://bllate.org/book/20373/2167094>